

ПОНЯТИЙНАЯ СИСТЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

Суходольский Г. В.

Справедливо считается, что психологическая теория деятельности, которая служит методологической основой для всех психологических дисциплин, является одним из важнейших достижений советской психологии. Тем не менее существуют известные трудности в использовании положений этой теории. Нечеткость и неоднозначность в толковании основных терминов — одна из причин этих трудностей [33, 58]. Другая причина, как можно думать, заключается в том, что понятийный аппарат психологической теории деятельности не выявлен и не систематизирован. Лишь в последнее время делаются попытки анализа основных понятий и проблем в рамках теоретических воззрений А. Н. Леонтьева [9, 17, 27]. Однако определенные различия в психологическом истолковании термина «деятельность» и некоторых других основных терминов теории [58] позволяют предположить, что теоретические воззрения на деятельность, развитые в трудах Б. Г. Ананьева, А. Н. Леонтьева, С. Л. Рубинштейна и их последователей, не образуют единой психологической теории деятельности. Отсюда возникает задача критического анализа, сопоставления и обобщения теоретических воззрений на деятельность с целью получить систематическое и в то же время компактное представление о понятийном аппарате, который способствовал бы созданию единой психологической теории деятельности. Одна из возможных попыток решить эту задачу сделана в данной статье.

Мы использовали метод качественно-количественного анализа документов, обстоятельно изложенный в работе В. Е. Семенова [51], применив его к двум выборкам научных текстов. Первая выборка охватила монографии С. Л. Рубинштейна, А. Н. Леонтьева, Б. Г. Ананьева и В. Г. Асеева [3, 4, 7, 30, 47] и была основной, а вторая — статьи тех же и других авторов [5, 8, 28, 44, 48, 49, 69, 70] и была контрольной. Так как понятия в письменной речи выражаются в форме общих имен и словосочетаний [10, 45], то единицами анализа (индикаторами) служили слова и словосочетания, характеризующие всевозможные аспекты психологического рассмотрения деятельности. Согласно стандартной процедуре [51], эти слова и словосочетания сначала отмечались в тексте, потом выписывались, систематизировались и табулировались с указанием авторской принадлежности. Из-за большой трудоемкости этих процедур мы не фиксировали частоту встречаемости индикаторов в текстах одного и того же автора и ограничились регистрацией наличия или отсутствия каждого из индикаторов у каждого из семи авторов.

Основные результаты анализа таковы. По объему (число страниц) исследованных текстов контрольная выборка составила около 20% от

¹ «Психологический журнал» продолжает обсуждение проблем, поднятых в статье К. А. Абульхановой-Славской «Категория деятельности в советской психологии» (Психологический ж., 1980, т. 1, № 4, с. 11—28).

объема основной, в ней воспроизведено около 25% единиц анализа, зарегистрированных в основной выборке, а также получено 10% новых. Это позволяет считать основную выборку представительной (степень покрытия до 90%), а контрольную — статистически однородной с основной. Следовательно, результаты этих выборок можно объединить, что и было сделано. Всего выделено более 300 слов и словосочетаний, выражающих понятийный массив психологических воззрений на деятельность. Более 67% из них различны, но это не ограждает от возможной синонимии. Сопоставление и сличение смыслов слов и словосочетаний позволило избавиться от синонимичных выражений и сократить полученный массив до 237 понятий.

Распространенность отдельных понятий в научных текстах объективно выражает единство или, наоборот, разобщенность научных воззрений. Эмпирическим показателем распространенности понятия может служить число авторов, использующих это понятие в своих публикациях. По этому числу понятия могут быть отнесены к одному из трех видов: всеобщие в употреблении понятия, которые используются всеми авторами; общие в употреблении понятия, которые используются несколькими, но не всеми; индивидуальные в употреблении понятия, которые используются только одним из авторов. Очевидно, большой процент всеобщих и общих в употреблении понятий в некотором массиве публикаций свидетельствует о единстве теоретических воззрений на объект исследования и, наоборот, большой процент индивидуальных в употреблении понятий свидетельствует о разобщенности этих воззрений. Среди выделенных нами работ (семь авторов) 237 понятий не оказались всеобщими в употреблении; общих в употреблении двух-пяти авторов было 24%, а индивидуальных — 76%. Это позволяет считать наше предположение об отсутствии единой психологической теории деятельности документально подтвержденным.

Несмотря на многообразие понятийного материала, ни в одной из рассмотренных нами концепций нет четкой систематизации аспектов психологического рассмотрения деятельности. Но сопоставление понятий в пределах всего выявленного массива позволили нам выделить пять основных понятий, которые характеризуют определенные аспекты психологического рассмотрения деятельности и могут служить компонентами системного базиса [13] для детализации понятийного массива.

В качестве основных мы предлагаем следующие понятия: *субъект деятельности, морфология деятельности, мотивация и функции деятельности, динамика деятельности, разнообразие деятельностей*. Понятия *субъект, мотивация, динамика деятельности* встречаются в изученных нами текстах. Но только понятие *субъект психической деятельности* имеет научный статус основного, выражающего необходимый аспект рассмотрения деятельности как объекта психологического исследования. Остальные такого статуса не имеют. Понятия *морфология и разнообразие деятельностей* предлагаются нами как наилучшим образом позволяющие систематизировать большую часть выявленного массива понятий и, следовательно, выражающие необходимые аспекты психологического рассмотрения деятельности.

Раскрывая, детализируя семантику и логику пяти выделенных нами основных понятий через другие, полученные в наших выборках, можно синтезировать различные теоретические схемы понятийного аппарата, в частности, для отдельных авторских концепций в целом, для их индивидуально-своеобразной или общей части, для их различных объединений. Пользуясь этими схемами, а также группировочными таблицами и специальными числовыми мерами (относительное число понятий определенного вида), можно оценить степень разработанности каждого из пяти аспектов изучения деятельности и личный вклад авторов в развитие понятийного аппарата психологической теории деятельности.

Действительно, чем бóльшая часть из этих понятий предложена данным автором, тем значительней его личный вклад в теорию. По нашим данным, полнее всего детализировано понятие разнообразия деятельности, менее полно — морфология, динамика и мотивация деятельности. Особенно велик личный вклад в развитие понятийного аппарата психологической теории деятельности С. Л. Рубинштейна, В. Г. Асеева, А. Н. Леонтьева, Б. Г. Ананьева: в текстах их работ охвачено почти 2/3 общих и более 2/3 индивидуальных в употреблении понятий (из 237 понятий).

Ограничимся далее краткой аннотацией общих в употреблении понятий и подробно изложим систематику всех выделенных понятий.

Всего общих в употреблении понятий оказалось 57, причем из них понятий, общих в употреблении четырех и пяти авторов, встречается совсем немного. Это понятия, указывающие тип деятельности (человеческая, трудовая, познавательная и т. д.), либо относящиеся к выражению основных аспектов теоретического осмысления деятельности (субъект, процесс, цели и т. д.). Понятия, встречающиеся у двух или трех авторов, преимущественно детализируют выделенные нами основные понятия. Причем эта детализация не полна и степень проработки не одинакова. Так, понятие *строение деятельности* раскрывается лишь до уровня ближайших, соподчиненных ему понятий *структура* и *компоненты*, а в качестве компонентов мыслятся лишь «действия как части деятельности». Понятие *динамика деятельности* ограничено лишь регулированием деятельности, ее собственное движение не фигурирует. Число примеров можно увеличить, но важно другое: неполнота и различная глубина проработки основных понятий еще раз, уже на содержательном уровне, свидетельствуют о разобщенности теоретических воззрений на деятельность в психологии. Преодолеть эту разобщенность можно лишь путем синтеза понятийной системы с учетом индивидуального своеобразия понятий, содержащихся в авторских концепциях.

В качестве системного базиса, очевидно, должны быть приняты выделенные нами пять основных понятий. Для конструктивной теоретической схемы их, с нашей точки зрения, недостаточно (базис не полон), но они по крайней мере выражают существующие психологические воззрения на деятельность.

Объемность детализировки основных понятий в авторских концепциях заставляет проводить теоретический анализ состава и структуры этих понятий и синтез соответствующих каждому понятию теоретических схем по отдельности. Общая структура понятийной системы при этом задается порядком рассмотрения ее подструктур, образованных понятиями о субъекте, морфологии, мотивации и функциях, динамике деятельности и разнообразии деятельности. Поэтому ограничимся дальше изложением соответствующих подструктур.

Понятие *субъект деятельности* охватывает наряду с психологическими социальными и биологическими явления. В исследованных нами авторских текстах в качестве субъекта деятельности выступают: 1) человечество, общество в целом или человек как особый вид живого, что отражено в понятиях, которые выражены словосочетаниями: «человеческая деятельность», или «деятельность человека», «социальная деятельность», или (в том же смысле, а не как род занятий) «общественная деятельность», или «деятельность общества», «деятельность человечества»; 2) социальная группа (возрастная, профессиональная, общеобразовательная и т. п.), о чем свидетельствуют, например, словосочетания: «научная деятельность», или «деятельность ученого», «деятельность ребенка», «деятельность дошкольника»; 3) индивид, личность, конкретный человек, что выражается словосочетаниями: «деятельность личности», «индивидуальная деятельность конкретных индивидов»; 4) животное — «деятельность животного», «жизнедеятельность животного»; 5) персонифицированный психический процесс или даже совокупность когнитивных процессов, о

чем свидетельствуют смыслы словосочетаний: «деятельность восприятия», «деятельность мышления», «деятельность сознания», «перцептивная деятельность», «отображательная деятельность», и т. п.; 6) физиологическая система или орган, о чем свидетельствуют, например, выражения: «деятельность мозга», «деятельность осязающей руки», «деятельность рецепторных и эффекторных аппаратов».

Нам представляется очевидным, что подобное расширительное истолкование субъекта деятельности в психологии имеет место вследствие многозначного истолкования самого понятия *деятельность* (как *труд*, *поведение*, *работа* или *активность* [58]) и вряд ли оправдано вне рамок философских обобщений идеи активности [26, 50]. Между тем и до сих пор в общепсихологическом плане в понятии *субъект* смешиваются почти все формы движения материи. Так, в работе К. А. Абульхановой утверждается, что в понятии о субъекте психической деятельности раскрывается «специфически человеческий характер человеческой активности» и тут же предлагается применять это понятие «к любому уровню развития бытия» [1, с. 174]. Позже ею использованы вперемешку почти все из выделенных нами трактовок субъекта деятельности, которые выражены такими словосочетаниями: «общественный, комбинированный субъект», «совокупный комбинированный субъект», «объединенный субъект», «общественный субъект», «коллективный субъект», «совокупный субъект», «индивидуальный субъект», «действительный субъект», «личность как субъект жизнедеятельности», «деятельность органов чувств» [2, с. 14—40, 291]. Такая нечеткость терминологии вряд ли полезна в попытке методически представить разные истолкования субъекта как уровня его системного психологического отражения.

Понятие *морфология деятельности* выражено в более чем сорока словосочетаниях. Если элиминировать значительную синонимию, то остается двенадцать соподчиненных понятий, детализирующих основное понятие. Поскольку деятельность обычно мыслится как некоторое целое, становится ясным использование Я. А. Пономаревым [44] в качестве эквивалента понятия *организация деятельности*. Организация и есть строение некоторой системы, взаимосвязь ее частей в едином целом [52, с. 8].

Строение деятельности раскрывается в понятиях о ее составе и структуре. Отметим, что понятие *структура деятельности* используется весьма широко, а понятие *состав* — фактически не эксплицировано, причем многие явно путают эти понятия. Причина, как можно думать, аналогична имевшей место в химии [25], а именно — недостаточное осмысление свойств деятельности как обусловленных ее составом и структурами.

Состав деятельности по результатам нашего анализа раскрывается через понятия о частях, компонентах, элементах и единицах деятельности. Все эти понятия близки по смыслу, вложенному в них авторами: в сущности ни о чем другом, как об элементах деятельности, речи нет. Поэтому понятие *элемент* выделяется нами в качестве смыслообразующего для всех остальных.

Общепринято, что основным элементом деятельности является действие. Действия рассматриваются и в качестве «единиц» изучения деятельности; причем после Л. С. Выготского считается, что они должны сохранять основные свойства психологического целого. Но сами действия могут быть простыми или сложными, состоящими из простых. Так, в изученных нами работах С. Л. Рубинштейна упоминаются «частичное действие» и «акт частичного действия». Понятие о психическом акте как элементе психической деятельности использовано К. К. Платоновым [43, с. 153]. В этой связи представляется необходимым ввести понятие *элементарные действия*, т. е. действия, выступающие в качестве «единиц» низшего уровня анализа сложных действий. Со времен И. М. Сеченова элементарными действиями считаются простейшие рефлекторные движения и секреции. Отчасти на этой основе в начале нашего века для

построения систем профессиональных действий и движений в промышленном труде, сценическом искусстве созданы разные типологии элементарных и сложных действий [15, 24], часть из которых используется для нормирования труда [40]. Тем не менее трудно расчлнить процесс деятельности на элементарные части, поэтому не прекращаются попытки найти объективные методы выделения «единиц» деятельности на разных уровнях ее сложности [16]. Думается, что такие членения в принципе не должны быть однозначны, так как возможны различные системы элементарных действий, позволяющие разрабатывать теоретические конструкции сложных действий и деятельности в целом, полезные для практических приложений.

Исследуя структуру понятия о составе деятельности, нельзя обойти вниманием противоречивость в истолковании понятия *операция*.

С. Л. Рубинштейн трактовал операцию как действие, либо как частичное действие. Такая же трактовка используется в психофизиологическом анализе трудовой деятельности [18], логике, математике и кибернетике [14, 20]. В медицине, в военных науках и в так называемом «исследовании операций» под операцией понимается ряд действий, объединенных определенной целью [39, 65], т. е. сложное действие. Всем этим трактовкам противоречит истолкование операции как определяемого условиями способа действия, которое введено А. Н. Леонтьевым начиная с 40-х годов и применяется до сих пор [19]. Мы считаем, что способ, каким выполняется действие при определенных условиях, и есть конкретное действие из класса действий, возможных при совокупности основных условий. Так, расчленения вещественного предмета при помощи резания, пиления и т. п. [30, с. 107] представляют собой класс действий «расчленения», тогда как сами орудийные действия (резание ножом, пиление и т. д.) — это конкретные действия, имеющие сложный состав и определенные характеристики. Таким образом, операция есть действие (простое или сложное) и ни что иное.

Понятие о структуре деятельности, как упоминалось, широко используется, но часто в смысле состава. Возможно, поэтому вся типология структур по результатам нашего анализа исчерпывается двумя формами макроструктур: цепью и циклом действий. Ни о логических, ни о временных и пространственных, ни о стохастических и других структурах деятельности в общепсихологических концепциях понятий не сформировано, хотя все такие структуры изучаются в рамках социальной, инженерной и математической психологии [18, 42, 54, 55].

Понятие *мотивация и функции деятельности* одно из наиболее сложных как по возможностям детализировки, так и по психологической емкости содержания его составляющих. Тем не менее весьма отчетливо здесь выделяются шесть логически соподчиненных понятий: *потребности — направленность — мотивы — цели — результаты — оценки*, которые образуют основу данной подструктуры понятийной системы.

Потребности интерпретируются, с одной стороны, как собственные потребности деятельности (например, в специальном инструменте); с другой — как потребности в деятельности; с третьей — как исходные побуждения или стимулы к деятельности; с четвертой — как личные или общественные потребности, реализуемые в системе мотивов (или мотивационной системе) деятельности.

Понимание потребности как потребности деятельности представляется весьма полезным при изучении конкретных деятельностей: из него могут быть выведены понятия о требованиях (инженерно-психологических, эргономических и др.) к организации, оснащенности, квалификационному обеспечению деятельности.

Понимание потребности в деятельности как определенной формы активности эквивалентно пониманию функциональной потребности [62, с. 165] и раскрывается как направленность деятельности.

Понимание потребностей как исходных побуждений или субъективных стимулов к деятельности раскрывает генетический аспект мотивации. А. Н. Леонтьев считал, что та или иная потребность является предпосылкой всякой деятельности [29, с. 303], хотя потребность и порождается, производится самой деятельностью [30, с. 193]. Это можно понять прежде всего в генетическом плане: предпосылка еще не есть причина, действующая регулярно, а потребности именно таковы в динамическом аспекте деятельности. Генетическая трактовка справедлива прежде всего для специфически человеческих потребностей, связанных с осознанием общественного долга и социально значимых целей деятельности [47, с. 477, 521]. Именно на основе таких потребностей, в частности, в трудовой деятельности, формируются стимулы как побудительные причины деятельности, которые имеют информативный характер и используются для управления деятельностью [68, с. 12].

Понятие *направленность* обычно соотносят в психологии с категорией *личность*. При этом разнообразие форм направленности оказывается весьма сложным и раскрывается посредством разветвленной системы понятий (влечение, желание, интерес, стремление и др.) [43, с. 126], которые мы вынуждены оставить в стороне. Но из единства сознания и деятельности, деятельности и личности необходимо следует взаимосвязь понятий *потребность в деятельности, направленность и мотивы деятельности*, причем понятие направленности опосредует два других [43, с. 127, 152].

Различают направленность на объект и на саму активность [35, 38]. В последнем случае, по мнению А. Н. Леонтьева, направленность приводит к созданию новых целей и ценностей [31, с. 7]. При направленности на объект деятельности потребность «опредмечивается», т. е. приобретает свою предметность, а воспринимаемый (представляемый, мыслимый) предмет — свою побудительную и направляющую деятельность функцию, т. е. становится мотивом [30, с. 190; 29, с. 303].

Понятие *мотив деятельности* многозначно и противоречиво. С одной стороны, по А. Н. Леонтьеву, мотив — это опредмеченная потребность в деятельности. С другой — мотивы трактуются как побуждения к действиям, что означает буквальный перевод с французского [43, с. 151—152]. В ином плане выделяется один, ведущий мотив, и тогда речь идет о мотиве как личном в отличие от общественной цели [47, с. 468], или, наоборот, речь идет о множественности мотивов [30, с. 109, 189], даже о мотивационной системе, определяющей в целом содержание видов деятельности, характерных для конкретного человека [6, 7]. Мотивы трактуются и как исходные для человеческой деятельности, и в этом смысле отличны от целей. Но одновременно допускается, хотя бы как вторичное, совпадение мотивов и целей, их превращение в мотивы — цели [30, с. 105].

По С. Л. Рубинштейну, *и мотив и цель* соотносятся *и с деятельностью и с отдельными действиями*. Причем мотивы и цели деятельности отличаются от таковых для действий обычно более обобщенным, интегрированным характером и выражают общую направленность личности. Это *исходные* мотивы и *конечные* цели деятельности. В ходе деятельности они порождают различные *частные* мотивы и цели, в которых применительно к разным условиям могут проявляться одни и те же общие установки [47, с. 455, 468]. Нам думается, что это более правильная и менее противоречивая позиция, чем однозначное связывание понятий мотив — деятельность, цель — действие [30, с. 101—104; 29, с. 299—302], которая теперь все шире распространяется [9, 59].

Вслед за классиками марксизма С. Л. Рубинштейн понимал цель как осознанный образ предвосхищаемого человеком будущего желаемого результата. И до сих пор цель трактуется исключительно как «сознательная» цель не только в психологии [60], но и в философии [61, 63]. По-видимому, на этом основании А. Н. Леонтьевым и были выделены

операции как части действий, не имеющие собственных целей, а соотносимые с конкретными условиями выполнения действия [30, с. 107—109]. Нам представляется, что из факта неосознаваемости цели операции как части действия в некоторый период времени нельзя делать вывод о том, что у операции нет собственной цели. У каждой операции есть результат, который может осознаваться либо не осознаваться субъектом заранее. Причем осознавшийся при формировании операции результат, т. е. цель, по мере упрочения, автоматизации навыка в выполнении операции перестает осознаваться вместе с самой операцией, в любой момент при необходимости может быть снова осознана [11, с. 452, 458]. В этой связи ощущается необходимость в отсутствующем ныне понятии *неосознаваемая* (или подсознательная) *цель*. В этом понятии наряду с более полным отражением психической реальности могло бы найти выражение и разнообразие результатов деятельности.

Наиболее четко, по нашему мнению, диалектика понятий *цель* и *результат*, а также *средство* выражена С. Л. Рубинштейном. Он считал, что если конечная цель деятельности достигается путем ряда действий, то результат каждого из них по отношению к достижению конечной цели выступает как средство, а по отношению к действию, в котором достигнут, — как его частная (или конкретная) цель. Это может по-разному преломляться в сознании деятеля. Частные цели могут им не осознаваться как таковые, а лишь как средства к достижению конечной цели, либо, наоборот, частная цель — средство сама превратится субъективно в новую цель, станет для деятеля самоцелью [47, с. 469].

Если понятие *результат* относится и к отдельным действиям и к деятельности в целом, то понятие *продукт* — только к целостной деятельности, причем оно отражает производительный характер человеческой деятельности, ее социально-преобразующую роль. Но понятие *результат* более емкое и является все же основным для психологических приложений. Конкретизация понятия *результат* применительно к деятельности и к отдельным действиям приводит к значительному разнообразию понятий о видах результатов и продуктов. Не останавливаясь на них, отметим лишь логическую и содержательную неполноту существующих здесь представлений. Так, в авторских текстах нами не обнаружено понятий о прошлых, нежелательных, прямых, полезных и вредных результатах, об общественно-вредных продуктах деятельности.

Последнее из раскрывающих мотивацию и функции понятий — это *оценка* (точнее *контроль и оценка*). Еще С. Л. Рубинштейн рассмотрел не только регулирующую функцию оценки и самооценки в деятельности, но и влияние их на успешность или неуспешность действий, понимаемые как получение или неполучение требуемого результата [47, с. 473]. Следовательно, неявно предполагаются специальные контрольные и оценочные действия, включаемые в деятельность извне (контроль) либо изнутри (самоконтроль). Но в исследованных нами общепсихологических концепциях понятий об этих оценочных операциях не сформировано, хотя такие понятия используются в психологии труда и инженерной психологии [36, с. 34—38; 37, с. 70]. Не эксплицировано и понятие *функция деятельности*, хотя оно неявно содержится во многих суждениях (например, «функциональные уровни», «объективные функциональные возможности деятельности» [69]). Считая это понятие важным и требующим экспликации, мы сочли целесообразным включить его в название рассматриваемого аспекта деятельности.

Функция тривиально понимается как роль, или задача активного элемента, системы. В более строгом смысле функция — это преобразование чего-либо во что-либо, в частности, в математике — это отображение, заданное на множестве. В различных трактовках деятельности как специфически человеческой формы активности на передний план справедливо выдвигается ее преобразующий характер, целесообразное измене-

ние окружающего и формирование самого человека. Это отчасти закреплено в понятии об общественно-полезных продуктах деятельности, в качестве которых выступают материальные и идеальные элементы человеческой культуры. Остается закрепить терминологически само создание общественно-полезного продукта как социальную функцию деятельности человека, общую для всех ее видов и могущую быть конкретизированной по мере конкретизации этих видов.

Мы не случайно утверждаем, что понятие о функциях деятельности раскрывается в системе тех же понятий, что и мотивация. Функция новой деятельности (или новая функция в рамках сложившейся уже деятельности), будучи осознанной, становится потребностью. Она организует направленность действий, опредмечивается в материале и средствах труда, становится тем самым одним из актуальных мотивов в иерархии мотивов деятельности, осмысливается в виде конкретных целей, предвидимых и получаемых апостериорно результатов; наконец, она контролируется и оценивается с точки зрения достигнутых результатов как реализованная (выполненная) или нет. Только в таком смысле могут и должны пониматься «функциональный уровень» как уровень выполнения заданных функций деятельности, «функциональные возможности» как возможности реализовать данной деятельностью предписанные или намеченные функции.

Дополнительное освещение понятие мотивации и функций получает при детализации понятия *динамика деятельности*.

В психологических воззрениях на динамику деятельности можно выделить несколько оснований для систематизации этих воззрений: 1) активность или реактивность; 2) генетический или функциональный подход; 3) количественный или только качественный характер самой динамики; 4) особенности того иерархического уровня строения деятельности, о динамике которого идет речь.

Понятия *собственное движение* или *регулирование* применительно к деятельности раскрывают ее динамику с точки зрения активности или реактивности. Понятие о собственном движении деятельности введено Б. Г. Ананьевым, по-видимому, в связи с его замыслом создать психологию активности и явно отличается у него от понятий о регулировании деятельности и о регулировании самой динамики деятельности извне, в социальном плане [4, с. 174—175]. Заметим, что *собственное движение деятельности* могло бы естественным образом синонимизироваться с более четким логически понятием *саморегуляция*. Но такого понятия в рассмотренных общепсихологических концепциях еще не было эксплицировано, хотя оно применялось и применяется в психофизиологии [46, 71] и инженерной психологии [21—23, 41, 53]. Лишь в последнее время термин *саморегуляция* начинает использоваться в общей психологии, однако четкого различия между регуляцией и саморегуляцией все-таки не проводится. Так, у К. А. Абульхановой-Славской «личностная регуляция» и «личностная саморегуляция» употребляются как синонимы, и саморегуляция понимается как «способность субъекта к организации собственной деятельности, управлению ею» [2, с. 272—278], т. е. как целенаправленное, произвольное регулирование сенсомоторики [22, 23, 37, с. 53], а не как *собственное движение, саморазвитие деятельности*.

Понятия о регуляции и собственном движении раскрываются далее через понятия о процессе и изменениях деятельности.

Изменение деятельности трактуется в исследованных нами авторских текстах как пассивное либо активное, как непосредственное либо опосредованное изменением условий, как историческое или индивидуальное развитие видов и форм деятельности, имеющее начало и свое завершение для индивида, причем завершению может предшествовать определенный регресс психической деятельности [3, 4]. В связи с различными особенностями изменение деятельности интерпретируется как смещение ее

области или сферы, как ее преобразование в виде перестройки или развертывания состава и структуры, мотивов и целей [7].

Так же в принципе трактуется и понятие *процесс деятельности*. Правда, оно относится преимущественно к онтогенезу индивидуальной деятельности, что подчеркивается синонимией («ход», «протекание», «осуществление деятельности») и связано скорее с количественными представлениями о динамике («длительность деятельности»), нежели с ее качественным осмыслением. Все же разница в интерпретации таких понятий, как начало процесса деятельности и старт деятельности, процесс деятельности и развертывание деятельности («конкретная процессуальная развертка деятельности») выглядит весьма относительной.

При всем ее многообразии детализировка понятия *динамика деятельности* отчасти не полна, а некоторые из существующих воззрений заслуживают критики. Так, несмотря на то, что понятие о свертывании действий является одним из важных в концепции П. Я. Гальперина [11, 12], это понятие не обобщено и не получило распространения. Поэтому понятия о свертывании деятельности и ее элементов, несомненно, важные для раскрытия динамики деятельности, фактически отсутствуют. Идея о подвижности отдельных «образующих» систему деятельности сводится лишь к превращению одних элементов деятельности в другие: действий — в деятельность либо в операции, а операций или деятельностей — в действия. Превращения эти связываются с превращениями мотивов в цели и наоборот, а логика превращений определяется однозначным сопоставлением мотива и деятельности, цели и действия, отсутствия цели и операции [30, с. 110—111; 29, с. 298—304]. Но такая однозначность, как показано выше, противоречит соподчинению понятий, сложившемуся в других теоретических концепциях психологии. Поэтому механизм преобразования деятельности и ее элементов по меньшей мере остается не раскрытым. Нам думается, что этот сложный и мало изученный механизм включает в себя: 1) целеобразование и целепреобразование; 2) формирование новых и исключение старых, ненужных (вредных и т. д.) действий; 3) свертывание и развертывание элементов, их расчленение на более простые и усложнение, синтез сложных из более простых. Все эти процессы должны быть определены прежде всего с содержательно-предметной и операциональной сторон. Для этого нужен специальный понятийный и терминологический аппарат, который пока отсутствует в общепсихологической теории и лишь начинает постепенно формироваться в инженерной психологии и психологии труда.

Понятие *разнообразие деятельностей* получено в результате обобщения более сотни конкретных словосочетаний, которые в исследованных особенностях деятельностей. Для систематизации конкретного понятийного материала целесообразно выделить ряд основных понятий, сочетания которых позволили бы получить многочисленные производные понятия, охватывающие как используемые в авторских текстах, так и отсутствующие в них, но полезные для психологической теории.

К числу основных понятий, выражающих разнообразие деятельностей, могут быть отнесены: в гносеологическом смысле — *материальная и идеальная* (духовная) деятельности; в смысле важнейших категорий марксистской диалектики — *реальная* (актуальная, актуально-осуществляемая) деятельность, *внешняя и внутренняя, теоретическая и практическая* деятельности; в смысле вида или рода занятия, отрасли или сферы деятельности — *трудовая и нетрудовая, профессиональная* и ее разнообразные виды (хозяйственная, культурная, производственная и т. д.); в смысле качества — *эффективная, продуктивная* деятельности; наконец, в смысле определенных особенностей — *сознательная, творческая, совместная* и многие другие.

Выбор перечисленных понятий в качестве основных диктуется их очевидной философской подоплекой и возможностями получать из них производные понятия, а отнюдь не частотой встречаемости в авторских текстах. Поэтому, например, понятие *познавательная деятельность*, которое является наиболее частым и общим в употреблении авторов, чьи тексты нами были изучены, к числу основных никак не может быть отнесено: познавательная деятельность — это всего лишь разновидность идеальной психической деятельности. Мы не считаем возможным отнести к числу основных и такие весьма употребительные понятия, как *конкретная и предметная деятельность*. Первое из них обобщает понятия *профессиональная и непрофессиональная деятельность* в отличие от трудовой деятельности. Второе из них мало что добавляет к понятию *человеческая деятельность*, которая всегда предметна, и выражение «беспредметная деятельность» (но не «беспредметная активность». — Г. С.) лишено смысла [30, с. 84].

Путем сочетания основных понятий можно получить многочисленные производные понятия. Некоторые из них используются в авторских текстах. Таковы, например, понятия *реальная практическая деятельность, чувственная практическая деятельность, идеальная теоретическая деятельность*. Другие в нашей репрезентативной выборке не обнаружены, но могут иметь очевидный психологический смысл, например: *идеальная практическая деятельность, реальная теоретическая деятельность, идеальная эффективная совместная профессиональная деятельность*. Отметим, что список основных понятий, перечисленных нами по авторским текстам, логически не полон. В нем отсутствует большинство противоположных по смыслу понятий, безусловно, полезных для психологической теории деятельности.

Обсуждая разнообразие деятельностей, нельзя обойти вопрос о типологии. Можно понимать типологию в широком и в узком смысле. В широком — означает охватить систематикой все разнообразие деятельностей; в узком — ограничиться систематикой деятельностей, очевидным образом связанных с представлениями о виде или роде занятий, об области или сфере деятельности. Типология в широком смысле, учитывая отсутствие многих понятий, по-видимому, дело будущего. В основу ее могут быть положены *трудовая, учебная и игровая деятельности*, которые, называя их лаконично — труд, учение, игра, С. Л. Рубинштейн считал основными видами человеческой деятельности; труд — в историческом, а учение и игру — в индивидуальном развитии человека [47].

Мы полагаем, что труд, учение и игра — это не виды, а *типы* деятельности, образующие непротиворечивое и достаточное основание для типологии в узком смысле. Другие предложения такими достоинствами не обладают. В частности, нельзя, как это предлагал Б. Г. Ананьев, считать познание и общение самостоятельными видами деятельности, рядополагая их с трудом и даже «конвергируя» их в труде [4, с. 163—169].

Типы деятельности подразделяются на *классы*. *Профессиональная и непрофессиональная деятельности* являются классами *трудовой*. *Средняя и высшая учебная деятельности* суть аналогичные классы *учебной деятельности*; промежуточное положение занимает класс *средней специальности*; для игры существуют классы: *непрофессиональные игры* (большинство детских, азартных игр) и *профессиональные игры* (спортивные, «деловые»).

Дальнейшая типология строится путем расчленения классов на *сферы или роды занятий* (просвещение, производство, наука и т. д.); *сфер — на области*, которым соответствуют номенклатурные *специальности* (математика, психология и т. д.); наконец, областей — на *предметы* деятельностей, которым соответствует понятие *специализация*, или узкая специальность субъекта деятельности (общая психология, инженерная психология и т. д.).

Предлагаемая типология, видимо, не лишена недостатков. Но в ней рационально соподчинены часто рядопологаемые понятия *вид и тип, сфера и область* деятельности. Кроме того, в ней оказываются осмысленными такие неологизмы, как, например «математическая деятельность кафедры Лобачевского» или «инженерно-психологическая деятельность кафедры».

Итак, мы закончили систематическое рассмотрение тех черт понятийного аппарата существующей психологической теории деятельности, которые выявились в результате текстологического исследования теоретических концепций, созданных в отечественной психологии почти за полувековой период. Эти теоретические концепции принято считать основными, и это мнение подтверждается нашими результатами. Поэтому мы берем на себя смелость утверждать, что нами выявлен и систематизирован основной понятийный аппарат, отображающий существенное в теоретических воззрениях на деятельность. Этот аппарат обладает определенными недостатками в виде неполноты, разноречивости и некоторой противоречивости интерпретаций. На многие из недостатков мы указали и пытались наметить пути для исправлений.

Мы не одиноки в этих попытках. В рамках общепсихологической теории деятельности и в психологических отраслях за последние годы наметилось использование идей системного подхода для психологического осмысления и описания человеческой деятельности вообще и трудовой, профессиональной, операторской деятельности в частности [32, 34, 56, 57, 64, 66, 67]. Можно надеяться, что на этом пути понятийная система психологической теории деятельности будет усовершенствована и обогащена.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абульханова К. А. О субъекте психологической деятельности. М., 1973.
2. Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. М., 1980.
3. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л., 1968.
4. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М., 1977.
5. Анцыферова Л. И. Методологические проблемы психологии развития.— В кн.: Принцип развития в психологии. М., 1978, с. 3—20.
6. Асеев В. Г. Проблемы мотивации и личность.— В кн.: Теоретические проблемы личности. М., 1974, с. 122—144.
7. Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности. М., 1976.
8. Асеев В. Г. О диалектике детерминации психического развития.— В кн.: Принцип развития в психологии. М., 1978, с. 21—38.
9. Асмолов А. Г. Деятельность и установка. М., 1979.
10. Войшвилло Е. Понятия в формальной логике.— Философская энциклопедия, 1967, т. 4, с. 316.
11. Гальперин П. Я. Развитие исследований по формированию умственных действий.— В кн.: Психологическая наука в СССР. Т. 1. М., 1959, с. 441—469.
12. Гальперин П. Я. Основные результаты исследований по проблеме формирования умственных действий и понятий. Автореф. дисс. на соискание уч. ст. докт. психол. наук. М., 1965.
13. Ганзен В. А. Системные описания в психологии.— Вестн. ЛГУ, 1977, № 5, с. 86—91.
14. Гастев Ю. А. Операция.— Философская энциклопедия, 1967, т. 4, с. 146—147.
15. Гильбрет Ф. Изучение движений. М.— Л., 1931.
16. Гиппенрейтер Ю. Б. и др. Метод выделения единиц деятельности.— В кн.: Восприятие и деятельность. М., 1976, с. 55—67.
17. Давыдов В. В. Категория деятельности и психического отражения в теории А. Н. Леонтьева.— Вестн. МГУ. Серия 14. Психология, 1979, № 4, с. 25—41.
18. Зараковский Г. М. Психофизиологический анализ трудовой деятельности. М., 1966.
19. Зинченко В. П., Гордон В. М. Методологические проблемы психологического анализа деятельности.— В сб.: Системные исследования. Ежегодник 1975. М., 1976, с. 82—127.
20. Карпман Л. Я. Операции машинные.— Энциклопедия кибернетики, 1975, т. 2, с. 119—120.
21. Конопкин О. А. Произвольное регулирование деятельности при приеме информации в условиях альтернативного выбора.— В кн.: Проблемы инженерной психологии. Вып. 4. Л., 1966, с. 18—33.
22. Конопкин О. А. О структуре психологического уровня саморегуляции деятельности.— В сб.: Тез. науч. сообщ. советских психологов XXI Международного психологического конгресса. М., 1976, с. 151—154.

23. Конопкин О. А., Наживин Ю. С. Функциональная структура системы саморегуляции сенсомоторной деятельности.— В сб.: Психологические проблемы повышения эффективности и качества труда. Тез. докл. V Всесоюз. съезда психологов СССР, ч. 1. М., 1977, с. 23.
24. Кох И. Э. Теория предмета «Основы сценического движения».— В кн.: Основы сценического движения. М., 1976, с. 7—45.
25. Кузнецов В. Н., Печенкин Д. А. Концептуальные системы химии. Структурные и кинетические теории.— Вопр. философии, 1971, № 1, с. 46—56.
26. Лекторский В. А. Субъект.— Философская энциклопедия, 1970, т. 5, с. 154—156.
27. Леонтьев А. А. Некоторые проблемы психологической теории деятельности (профессиональной трудовой деятельности) на современном этапе.— В сб.: Тез. докл. Всесоюз. конф. «Развитие эргономики в системе дизайна». Боржом, 1979, с. 286—290.
28. Леонтьев А. Н. Об историческом подходе к изучению психики человека.— В кн.: Психологическая наука в СССР. Т. 1. М., 1959, с. 9—44.
29. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. М., 1972.
30. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
31. Леонтьев А. Н. Предисловие.— В кн.: Экспериментальная психология. М., 1975, ст. 5, с. 3—7.
32. Ломов Б. Ф. О системном подходе в психологии.— Вопр. психологии, 1975, № 2, с. 31—45.
33. Ломов Б. Ф. О состоянии и перспективах развития психологической науки в СССР.— Вопр. психологии, 1977, № 5, с. 9—24.
34. Ломов Б. Ф. Категории общения и деятельности в психологии.— Вопр. философии, 1979, № 8, с. 34—47.
35. Наенко Н. И. Психологическая напряженность. М., 1976.
36. Никифоров Г. С. Самоконтроль как механизм надежности человека-оператора. Л., 1977.
37. Нерсисян Л. С., Конопкин О. А. Инженерная психология и проблема надежности машиниста. М., 1978.
38. Нюттен Ж. Мотивация.— В кн.: Экспериментальная психология. Т. 5. М., 1975, с. 15—111.
39. Ожегов С. И. Операция.— Словарь русского языка. М., 1970, с. 442.
40. Орлов П. М., Арон Е. И. Нормирование труда в промышленности капиталистических стран. М., 1960.
41. Ошанин Д. А., Конопкин О. А. О психологическом подходе к изучению деятельности человека-оператора.— В кн.: Психологические вопросы регуляции деятельности. М., 1973, с. 3—13.
42. Паниотто В. И. Структура межличностных отношений. Киев, 1975.
43. Платонов К. К. О системе психологии. М., 1972.
44. Пономарев Я. А. Развитие психологической организации интеллектуальной деятельности.— В кн.: Принцип развития в психологии. М., 1978, с. 63—80.
45. Резников Л. О. Понятие и слово. Л., 1958.
46. Ромен А. С. Экспериментально-теоретические и прикладные вопросы психической саморегуляции.— В сб.: Психическая саморегуляция. Вып. 2. Алма-Ата, 1974, с. 5—14.
47. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1940.
48. Рубинштейн С. Л. Предисловие.— В кн.: Движение и деятельность. Уч. зап. МГУ, 1945, вып. 90, с. 3—5.
49. Рубинштейн С. Л. Проблема деятельности и сознания в системе советской психологии.— Уч. зап. МГУ, 1945, вып. 90, с. 6—21.
50. Рубинштейн С. Л., Человек и мир.— В кн.: Проблемы общей психологии. М., 1973, с. 255—385.
51. Семенов В. Е. Качественно-количественный анализ документов (контент-анализ).— В кн.: Методы социальной психологии. Л., 1977, с. 43—60.
52. Сетров М. И. Организация биосистем. Л., 1971.
53. Суходольский Г. В. Человек-оператор в функции следящей системы.— В кн.: Самообучающиеся автоматические системы. М., 1966, с. 233—237.
54. Суходольский Г. В. Структурно-алгоритмический анализ и синтез деятельности. Л., 1976.
55. Суходольский Г. В. Анализ и синтез равновесных структур (Основы теории и психологические приложения).— В кн.: Психология и математика. М., 1976, с. 140—162.
56. Суходольский Г. В. Системное психологическое описание трудовой деятельности.— В кн.: Психологические проблемы повышения эффективности и качества труда. Тез. докл. V Всесоюз. съезда психологов СССР. Вып. 1. М., 1977, с. 166—167.
57. Суходольский Г. В. О конструктивном понимании операторской деятельности.— В кн.: Проблемы инженерной психологии. Матер. V Всесоюз. конф. по инженерной психологии. Вып. 1. М., 1979, с. 53—56.
58. Суходольский Г. В. Понятие о деятельности.— Вест. ЛГУ, 1979, № 23, с. 70—76.
59. Телегина Э. Д., Волков Т. Г. Мотивация и пределы целесообразования.— В кн.: Психологические механизмы целесообразования. М., 1977, с. 21—51.

60. Тихомиров О. К. Понятия «цель» и «целеобразование» в психологии.— В кн.: Психологические механизмы целеобразования. М., 1977, с. 5—20.
61. Трубников Н. Цель.— Философская энциклопедия, 1970, т. 5, с. 459.
62. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М., 1966.
63. Чунаева А. А. Категория цели в современной науке и ее методологическое значение (цель и деятельность). Л., 1979.
64. Шадриков В. Д. Психологический анализ деятельности (системо-генетический подход). Ярославль, 1979.
65. Шкурбо В. В. Исследование операций.— Энциклопедия кибернетики, 1975, т. 2, с. 124.
66. Щедровицкий Г. П. Деятельность и понятие о деятельности.— В кн.: Матер. IV Всесоюз. съезда общества психологов. Тбилиси, 1971, с. 30.
67. Щедровицкий Г. П. Автоматизация проектирования и задачи развития проекторочной деятельности.— В кн.: Разработка и внедрение автоматизированных систем в проектировании (теория и методология). М., 1975, с. 9—177.
68. Шербак Д. Н. Стимулы трудовой деятельности. Л., 1976.
69. Шорохова Е. В. Проблемы общей психологии в трудах С. Л. Рубинштейна.— В кн.: Проблемы общей психологии. М., 1976, с. 3—16.
70. Шорохова Е. В. Социальная детерминация поведения.— В кн.: Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М., 1976, с. 5—28.
71. Юркевич В. С. Саморегуляция как фактор общей одаренности.— В кн.: Проблемы дифференциальной психофизиологии. Т. VII. М., 1972, с. 233—249.

Поступила в редакцию
10.IX.1979

АННОТАЦИИ ДОКТОРСКИХ ДИССЕРТАЦИЙ, УТВЕРЖДЕННЫХ ВАК ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

Аминев Г. А. «Психофизиологический (вероятностный и электроэнцефалографический) анализ динамики вербальной мнемической деятельности».

Работа выполнена в Казанском государственном университете им. В. И. Ульянова-Ленина и Уфимском авиационном институте им. Г. К. Орджоникидзе. Защищена в ЛГУ им. А. А. Жданова.

Впервые с детерминистических позиций изучены факты, определяющие колебания вербальной памяти. Новизна работы состоит в том, что в ней представлены систематизированные данные, показывающие связь продуктивности одного из основных видов памяти — вербальной — не только с общим уровнем активации мозга, но и с характером временной динамики памяти. Выявлены два колебания вербальных мнемических процессов — актогенные и временные. Первые ритмы специфичны для психической деятельности и являются функцией ее очередного акта, вторые ритмы представлены десятисекундными, двух- и десятиминутными ритмами. Существенно, что эти колебания психических процессов обнаруживают закономерную связь с функциональным состоянием нервной системы и с биологическими ритмами.

Весьма важным результатом работы является доказательство положения о том, что высокая продуктивность мнемических действий в чисто словесной сфере достигается сдвигами не только в левом (доминантном), но и в правом (субдоминантном) полушарии.

Работа Г. А. Аминевы открывает новое направление в изучении памяти и других психических функций, которое позволяет научно обоснованно и конкретно изучать нестабильность психических процессов. Материалы диссертации используются в чтении курсов лекций в ряде вузов.

Рекомендуется МВ и ССО СССР, Министерством просвещения и здравоохранения СССР для дальнейшего использования.

Гурова Р. Г. «Социологические проблемы воспитания школьников».

Работа выполнена в Научно-исследовательском институте общих проблем воспитания АПН СССР и защищена в Московском государственном педагогическом институте им. В. И. Ленина.

В диссертации уточнены предмет, задачи и методы теории воспитания и выявлены ее современные возможности в решении проблем воспитания старших школьников; проведены конкретные исследования, выявляющие особенности влияния общественно-политического строя на формирование ценностных ориентаций, духовных потребностей и общественной активности школьной молодежи.

Научные положения и рекомендации, разработанные автором, прошли опытно-экспериментальную проверку в школах РСФСР и Молдавии и получили одобрение Президиума АПН СССР. Материалы и выводы диссертации представлены Министерству просвещения СССР. Они нашли отражение в ряде методических документов, направленных на совершенствование воспитательной работы в школах. (Продолжение см. на стр. 38, 47).

КАТЕГОРИЯ «Я» В ПСИХОЛОГИИ

Кон И. С.

ПОНЯТИЕ И ПРОБЛЕМА

Понятие «Я» широко используется во всех науках о человеке и обществе. В советской философской и психологической литературе этот феномен рассматривается как в общетеоретическом плане, в связи с теорией личности и самосознания [12, 13, 17, 20, 21, 25, 28—30, 33, 37, 39, 40, 42], так и в связи с конкретными закономерностями развития ребенка [1, 3, 6, 9, 10, 22, 23, 27, 32, 34, 36]. Что касается иностранной литературы, то в аналитическом обзоре эмпирических исследований «понятия Я» Р. Уайли (Wilie) [73] учтено свыше 1600 работ; речь идет только об англоязычных и только эмпирических публикациях, если же взять всю мировую литературу, включая Эго-психологию, эту цифру пришлось бы, вероятно, утроить.

Но, хотя понятие «Я» — одно из старейших философско-психологических понятий, его категориальный статус остается крайне неопределенным и такие термины как «самость» (self), «идентичность», «Эго» и «Я» употребляются в самых различных значениях. Эти трудности не являются чисто терминологическими. Понятие «Я» всегда соотносится и нередко даже сливается, с одной стороны, с понятием личности, а с другой — с понятием самосознания. Однако, не говоря уже о многозначности самих этих терминов, понятие «Я» не исчерпывает их объема. «Я» — не просто индивидуальность, личность, а личность, рассматриваемая изнутри. В то же время самосознание может быть не только индивидуальным, но и коллективным, групповым (например, классовое самосознание).

Самое общее значение термина «Я» — самость, т. е. интегральная целостность, «одноличность», «подлинность» индивида, на основании которой он отличает себя от внешнего мира и от остальных людей. Самость — это единство «реальной» идентичности индивида и его самосознания. Наивная натуралистическая теория склонна жестко разграничивать два последние понятия, считая самосознание простым отражением «данной» органической идентичности. Однако такое сведение идентичности (самости) к психофизиологической целостности, позволяющей организму безошибочно узнавать свои и отторгать чужие клетки, а самосознания — к осознанию этой своей особенности, единичности, не выдерживает критики и выхолащивает самую суть проблемы «Я» как активно-творческого, интегративного начала, позволяющего индивиду не только осознавать себя, но и сознательно направлять и регулировать свою деятельность. Понятие идентичности, широко употребляемое в психологической и социологической литературе, обозначает не формальное тождество субъекта самому себе («Я» = «Я»), а его осознанную принадлежность к определенной категории людей («социальная идентичность», «половая идентичность» и т. п.), т. е. некоторый аспект личности и ее самосознания.

Как бы ни определяла наука понятие «Я», оно всегда остается двойственным. Ибо, как заметил уже И. Кант, сознание самого себя заклю-